

Научная статья
УДК 343.979(470)
doi: 10.34822/2312-3419-2022-3-93-99

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Кристина Александровна Зарубина

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

kris1996z@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>

Аннотация. Исследованы социально-экономические, культурные, политические условия, влияющие на формирование, развитие профессиональной преступности в России в дореволюционный период. Проанализированы такие факторы, как преобладание сельского населения, наличие крепостнической системы, устрашающие цели уголовного наказания и др. Рассмотрены особенности развития профессиональной преступности как общественно опасного явления.

Методологическая база исследования представлена совокупностью общенаучных, частнонаучных методов, в числе которых применялись хронологический, формально-логический, сравнительный и ряд иных методов.

Сделан вывод, что существование особых социально-экономических, политических, культурных условий в России в дореволюционный период, особенности развития государства оказали важнейшую роль на формирование в конце XIX – начале XX в. «ядра» профессиональных преступников, функционально-иерархической системы в уголовной среде. С этим же периодом связано окончательное закрепление признаков криминального профессионализма, зарождение в России профессиональной преступности как явления.

Представленные в исследовании выводы могут быть использованы как для обогащения теории криминологической и уголовно-правовой науки, так и для практической деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: профессиональная преступность, профессиональный преступник, криминальный профессионализм, криминальная специализация, криминальное мастерство

Финансирование: публикация подготовлена в рамках государственного задания на 2022 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Для цитирования: Зарубина К. А. О некоторых особенностях развития профессиональной преступности в дореволюционной России // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. № 3 (37). С. 93–99. DOI 10.34822/2312-3419-2022-3-93-99.

Original article

ON SOME FEATURES OF PROFESSIONAL CRIMINALITY EVOLVING IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Kristina A. Zarubina

Southwest State University, Kursk, Russia

kris1996z@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>

Abstract. The study discusses social and economic, cultural, and political conditions affecting the formation and development of professional crime in pre-revolutionary Russia. The article analyzes such factors as the predominance of the rural population, the serfdom system, frightening aims of criminal punishment, etc. Features of the professional crime development as a socially dangerous phenomenon are considered.

The methodological basis of the study consists of a set of general and specific scientific methods, including chronological, formal and logical, comparative, and other methods.

It is concluded that special social and economic, political, cultural conditions in pre-revolutionary period Russia and the peculiarities of the state development played a crucial role in the creation of the “core” of professional criminals and functional and hierarchical system in criminal environment. Final assignment of features of criminal professionalism and evolution of professional criminality in Russia as a phenomenon happened at that period.

The conclusions presented in the study can be used both for enrichment of the theory of criminological and criminal law science and for the practical activities of law enforcement authorities.

Keywords: professional crime, professional criminal, criminal professionalism, criminal specialization, criminal skill

Funding: the article was prepared in the framework of the State order “Transformation of private and public law in the context of an evolving individual, society and state” (No. 0851-2020-0033) in 2020.

For citation: Zarubina K. A. *On Some Features of Professional Criminality Evolving in Pre-Revolutionary Russia* // *Surgut State University Journal*. 2022. No. 3 (37). P. 93–99. DOI 10.34822/2312-3419-2022-3-93-99.

ВВЕДЕНИЕ

Профессиональная преступность – это сложное, собирательное явление, поэтому однозначного решения на понятийном уровне, что считать профессиональной преступной деятельностью, а что нет, быть не может. Современные исследователи по-разному выделяют, описывают и объясняют признаки профессиональной преступности, дают определения понятиям «профессиональная преступность» и «профессиональный преступник». При этом ученые одинаково оценивают эту разновидность преступности как опасное социальное явление.

Профессиональную преступность по аналогии с выделением других разновидностей преступности (например, по аналогии с рецидивной преступностью) можно определить как совокупность преступлений, совершенных за определенный период времени на определенной территории профессиональными преступниками, или как совокупность преступлений, совершенных с целью извлечения постоянного и значительного дохода преступниками, для которых характерен криминальный профессионализм. К характеристикам профессиональной преступности относят четыре основных признака: специализация профессиональных преступников; квалификация; использование криминальной деятельности в качестве средства для добычи доходов; наличие у лица связей с преступным миром, криминальной средой.

Развитие профессиональной преступности в России имеет продолжительную историю. Первые признаки криминального профессио-

нализма обнаруживались в деятельности отечественных преступников еще в древности. В первых памятниках права, например в Судебнике 1497 г., упоминается о повторности преступления: «А поймает татя въ другие с татбою» (поймает вора с кражей вторично), (ст. 11) [1]. В Судебнике 1550 г. также указывалось на повторное совершение кражи: «А поймает того ж татя с татбою в другие» (ст. 56) [2, с. 246]. С XVII века в России профессиональная преступность начинает развиваться более активно. Известный правовед-криминолог XIX в. Л. С. Белогриц-Котляревский так описывал преступный мир, сложившийся в данный период времени в России: «Социальный порядок, сложившийся при Алексее Михайловиче, далеко не соединял в себе необходимых условий для внутренней жизни... Разбойники воплощали в себе образ свободной жизни русского простолюдина XVII столетия; он тянул к этому идеалу своим душевным миром, он его олицетворял в известных образах, которые и запечатлевал в народных песнях. Странное, по-видимому, явление. Разбойник, скитающийся по степям и проводивший свою жизнь в разбоях и грабежах, вообще в преступлениях, вдруг становится идеалом, разгорячающим фантазию простолюдина XVII столетия... Огромные размеры татбы и разбоев свирепствовали тогда в самом сердце России – Москве... Воровство и разбой редко совершались единолично, чаще злоумышленники составляли преступные ассоциации, шайки, чуть ли не среди

благого дня шатавшиеся по улицам в санях, ходили толпами...» [3, с. 4–16].

При этом стоит отметить, что развитие профессиональной преступности в дореволюционный период в России происходило в специфических социально-экономических, политических и культурных условиях, которые отличались от западноевропейских. Изучение данных условий является целью представленного исследования.

Следует подчеркнуть, что причины, детерминирующие развитие профессиональной преступности в дореволюционной России на этапе зарождения указанного явления, предопределили дальнейшее развитие профессиональной преступности в государстве (вплоть до настоящего времени), в связи с чем исследование эволюции профессионального преступного мира актуально и сегодня.

Изучением отдельных вопросов развития профессиональной преступности в дореволюционный период в России занимались такие ученые, как М. Н. Гернет, Б. С. Утевский, Ю. М. Антонян, А. И. Гуров, А. И. Долгова, А. А. Забелич, С. Н. Кондратьева и др. Однако комплексных исследований по указанной проблеме не проводилось.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объект исследования – социально-экономические, политические, культурные условия, влияющие на формирование и развитие профессиональной преступности как опасного криминального явления в России в дореволюционный период.

Методологическая база исследования представлена совокупностью общенаучных, частнонаучных методов, в числе которых применялись хронологический, формально-логический, сравнительный и др. С помощью хронологического и сравнительного метода удалось проанализировать эволюцию развития профессиональной преступности в России в дореволюционный период. Формально-логический метод позволил определить условия развития указанного явления.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализируя формирование профессиональной преступности в России, необходимо

обратить внимание на особенности экономического развития страны. В дореволюционный период экономика российского государства долгое время была ориентирована на сельское хозяйство, следовательно, большинство подданных проживало в сельской местности. По данным Всероссийской переписи населения в Российской империи в 1897 г. всего проживало 125 млн. 681 тыс. человек, городское население (без Привислинских губерний и Средней Азии) составляло 13 млн. 735 тыс. человек [4]; в Курской губернии всего проживало 2 млн. 371 тыс. человек, из них 222 тыс. – в городах [5, с. 27]. Так, из-за того, что уровень урбанизации в дореволюционный период был низок, долгое время имущественные преступления, местом совершения которых был город, оставались нетипичными для структуры преступности России. Процент осужденных крестьян окружными судами в губерниях Центрально-Черноземной России в начале XX в. составлял примерно 73 %, а в отдельных регионах – около 60 % [6, с. 36–42]. В Западной Европе, напротив, особую распространенность еще в Средневековье имели преступления, местом совершения которых была городская среда, например, магазинные и квартирные кражи.

Большое влияние на развитие как уголовной, так и профессиональной преступности в дореволюционной России имело крепостное право, которое тормозило развитие экономики государства, что обуславливало рост преступности. Социально-экономическое положение крепостных крестьян было, как правило, неблагоприятным, им часто не хватало средств для существования. Чтобы прокормить семью, мужчины уходили на заработки в город. Часто безземельные крепостные работали у помещика за месячину – набор продуктов и одежды, предоставляемый ежемесячно. Недостаток денежных средств толкал на совершение преступлений на постоянной основе, а учитывая то, что крестьяне в дореволюционной России, как уже упоминалось ранее, считались самым многочисленным слоем (в 1913 г. сельское население составляло 82 %) [7, с. 25], «крестьянская» преступность была самым настоящим бичом.

Отметим, что крепостное право оказывало влияние также на уклад жизни крестьян, формируя у них особое мировоззрение и правосознание. Достаточно часто в крестьянской среде преступление не считали нарушением закона, его оценивали, как возможность извлечения дополнительного, а иногда и единственного заработка. Крепостные, используя общинную форму ведения хозяйства, как правило, подчинялись обычаям, которые считали источником права. Хотя к «неудачливым» преступникам крестьяне относились отрицательно [8, с. 615–622].

Отдельно необходимо сказать о бегстве крепостных от помещиков. Это явление было распространено по стране повсеместно. В 1597 г. был издан указ о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян [9, с. 99–102], в 1607 г. срок сыска увеличен был до 15 лет, с 1649 г. – установлен бессрочно [10, с. 230]. Указание на бегство крепостных присутствовало во многих нормативно-правовых актах XVI–XVII вв. Крестьяне добровольно оставляли их прежнее место жительства, кто-то обосновывался на юге России (на Дону, Волге, в Астраханской губернии и т. д.), а кто-то становился разбойником, вором и т. п. Это оказывало огромное влияние на формирование структуры преступности дореволюционной России, в том числе и профессиональной. Часть бывших крепостных крестьян, отказавшихся от законопослушной жизни, занимались криминальным промыслом. Бежавшие от гнета помещика крепостные нередко объединялись в преступные шайки, которые со временем становились более организованными и сплоченными. Из этой среды часто и «вырастала» профессиональная преступность. Беглые крестьяне учились скрываться от уголовного преследования, специализировались на совершении определенных видов преступлений. Другая часть беглых крепостных становились маргиналами, занимались попрошайничеством, причем тоже на профессиональной постоянной основе. Бегство крепостных было серьезной проблемой для государства. Так, в 20-х гг. XVIII века в России насчитывалось около 200 тыс. беглых крестьян (по данным второй

ревизии податного населения), с 1730-х гг. ежегодно от помещиков бежали по 20 тыс. крепостных [11, с. 188–192]. Особо притягивал дезертиров из армии, крепостных крестьян и преступников Дон. Еще в петровское время в стране появилась поговорка «С Дону выдачи нет», что фактически означало: в этот регион сыскным органам приезжать не стоит [12]. Скитальческий образ жизни считался достаточно трудным. Беглым было нелегко найти средства для пропитания, приобретения одежды и т. п., в связи с чем они, как уже указывалось ранее, часто становились преступниками.

Положение бывших крепостных не улучшилось после отмены крепостного права 19 февраля 1861 г. Реформа «высвободила» миллионы крестьян, предоставив каждому личную свободу и земельный надел, но так как этот участок был настолько мал, что его едва хватало для обеспечения нормальной жизнедеятельности семьи, многие крестьяне превращались в маргиналов, отказываясь от предоставленного надела. Иные хозяева не могли выплатить выкупные платежи и разорялись, со временем продавали землю. В связи с этим часть крестьян также обратилась к преступной деятельности, найдя в этом единственно возможный путь обеспечения безбедного существования. Согласно данным официальной судебной статистики, в сельской местности после 1861 г. значительно увеличилось число правонарушений, причем они имели в основном корыстную направленность. Таким образом, в определенном отношении крепостное право сдерживало рост преступности, а вот его отмена способствовала росту количества преступлений. Например, в Тамбовской губернии – типичном регионе центральной России в пореформенный период – отмечен рост числа крестьян, осужденных за грабеж, кражу, разбой, т. е. наиболее «профессионализированных» видов преступлений. В будущем эта тенденция сохранилась [13, с. 285–319]. В соседних губерниях ситуация была схожей.

Еще одним фактором, влияющим на развитие профессиональной преступности в дореволюционной России, можно считать су-

ровые наказания, применяемые к особо опасным преступникам. Так, одним из наиболее «популярных» наказаний в XIX в. была ссылка на каторгу, которая, по утверждению современников, не «исправляла» преступников, а лишь «укореняла» в них желание совершать новые преступления. Министр юстиции Н. В. Муравьев, оценивая исправительную функцию мест лишения свободы, в 1878 г. писал: «Русская тюрьма не является и не может быть тем, чем ей быть следует, то есть институтом внутренней политики для борьбы с преступностью. Она, напротив, поддерживает и вновь зарождает преступления, ибо арестант выходит из тюрьмы испорченный и беспомощный...» [14, с. 73]. Так, существовавшая в России в указанный период система уголовных наказаний имела цель возмездия, возмещения вреда, и главное – устрашения [15] (подчеркнем, не цель исправления виновного, предупреждения совершения новых преступлений, а именно – устрашения). В связи с этим преступники осознавали невозможность возвращения к нормальной, законопослушной жизни. Поэтому лица, однажды переступившие черту закона, обычно продолжали вести криминальный образ жизни. Это способствовало развитию их преступной карьеры. Со временем у человека формировались особые умения и навыки, накапливался соответствующий опыт ведения антиобщественного образа жизни, появлялась криминальная специализация, квалификация, другими словами, преступник становился настоящим «профессионалом».

«Благоприятным» фактором для развития преступности, в том числе и профессиональной, было и то, что российские правоохранительные органы продолжительное время не имели необходимого опыта противодействия профессиональной преступной деятельности, их работа была организована недостаточно хорошо, поэтому даже невысокий уровень криминального мастерства гарантировал преступнику неуязвимость от уголовного преследования. Однако, с другой стороны, отсутствие стимула для приобретения новых знаний, совершенствования преступных умений, навыков конспирации, не способ-

ствовало профессионализации преступной деятельности, поэтому процессы развития института уголовного преследования и профессиональной преступности были тесно взаимосвязаны.

Также стоит отметить особое отношение в дореволюционный период в России населения к преступности, преступникам, а также к деятельности правоохранительных органов. Правовая культура у населения в дореволюционный период в России была, как правило, невысокой. Социальное неравенство в обществе приводило к дифференциации групп по образовательному, имущественному, профессиональному и иным признакам. В зависимости от социального положения, принадлежности человека к определенному сословию формировалось и особое отношение к общественному порядку. К преступникам из низших слоев, в том числе к профессиональным вора, бандитам, разбойникам и т. д., большая часть населения (в основном беднейшая) относилась благосклонно, но только в том случае, если они совершали преступления против представителей высших сословий, государства. Так, известного государственного преступника XVII в. С. Разина многие считали народным героем, несмотря на отрицательную оценку его действий властью. В народных песнях С. Разин – «батюшка», освободитель, защитник. Крестьяне называли его «удальцом», «раздобрым молодцем» [16, с. 160–165]. Таких преступников редко выдавали полиции, им часто содействовали в совершении преступных деяний. При этом подобное нейтральное и даже позитивное отношение части общества к преступникам формировалось, в том числе за счет того, что и к правоохранительным органам население относилось более чем настороженно. Особо негативно воспринимали деятельность сыскных учреждений, тайных органов государственной власти, жандармов. В основном это недоверие было продиктовано страхом, поэтому доноительство, провокации отрицательно воспринимались населением [17, с. 21–24]. В той или иной мере это способствовало развитию как «традиционной», так и профессиональной преступности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на формирование профессиональной преступности в России оказали влияние следующие факторы: ориентация экономики на сельское хозяйство, преобладание сельского населения, наличие крепостнической системы, устрашающие цели уголовного наказания и др. Вследствие этого к концу XIX – началу XX в. окончательно сформировались признаки криминального профессионализма. Получает развитие организованная преступность, теснейшим образом связанная с профессиональной. В уголовной среде уже в конце XIX в. насчитывают сотни криминальных специализаций, на «больших дорогах» «орудуют» шайки про-

фессиональных разбойников, развивается «ремесло» профессиональных конокрадов, мошенников, фальшивомонетчиков и др. Кроме этого, в уголовной среде появляются первые «знаменитости», такие как прославленная воровка XIX в. Софья Ивановна Блювштейн, более известная как Сонька Золотая Ручка. Преступная квалификация достигает высокого уровня развития, а преступники-профессионалы становятся все более и более неуязвимыми к уголовному преследованию. Как итог, в уголовной среде формируется своя функционально-иерархическая система, интенсивно развивается криминальная субкультура.

Список источников

1. Греков Б. Д. Судебники XV–XVI веков. М.–Л. : Акад. наук СССР, 1952. 619 с.
2. Судебники XV–XVI веков / под общ. ред. Б. Д. Грекова. СПб. : Наука, 2015. 246 с.
3. Белогриц-Котляревский Л. С. О воровстве и краже по русскому праву // Историко-догмат. исслед. 1880. Вып. 1. С. 4–16.
4. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1905. 417 с.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Курская губерния / под ред. И. А. Тройницкого. СПб. : Изд. Централ. статист. ком. МВД, 1904. 27 с.
6. Харсеева О. В. Преступность крестьян в губерниях Центрально-Черноземной России в конце XIX – начале XX в. // Учен. записки. 2017. № 1 (41). С. 36–42.
7. Чхиквадзе В. М. Социализм и народовластие: справочник. М. : Политиздат, 1965. 25 с.
8. Кулачков В. В., Музычук Т. Л. Криминологические аспекты правового сознания крестьянства Западного региона России на рубеже XIX–XX веков // Всерос. криминолог. журн. 2017. № 3. С. 615–622.
9. Шевченко М. М. История крепостного права в России. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. С. 99–102.
10. Соборное уложение 1649 года: текст, комментарий. Л. : Наука, 1987. 230 с.
11. Лепшеев А. А. Политика правительства Анны Иоанновны в отношении беглых крестьян и дворян // Науч.-технич. вед. Санкт-Петербург. гос. политех. ун-та. гуманитар. и обществ. науки. 2011. № 118. С. 188–192.

References

1. Grekov B. D. Sudebniki XV–XVI vekov. Moscow–Leningrad : Academy of Sciences of the USSR, 1952. 619 p. (In Russian).
2. Sudebniki XV–XVI vekov / Ed. B. D. Grekov. St. Petersburg : Nauka, 2015. 246 p. (In Russian).
3. Belogrits-Kotlyarevsky L. S. O vorovstve i krazhe po russkomu pravu // Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie. 1880. Is. 1. P. 4–16. (In Russian).
4. Pervaia Vseobshchaia perepis naseleniia Rossiiskoi Imperii 1897 g. Vol. I. Obshchii svod po Imperii rezultatov razrabotki dannykh Pervoi Vseobshchei perepisi naseleniia, proizvedennoi 28 ianvaria 1897 g. / Ed. N. A. Troinitsky. St. Petersburg : Parovaia tipo-lit. N. L. Nyrkina, 1905. 417 p. (In Russian).
5. Pervaia vseobshchaia perepis naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g. Kurskaia guberniia / Ed. I. A. Troinitsky. St. Petersburg : Publishing House of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 27 p. (In Russian).
6. Kharseeva O. V. Crime of the Peasants in the Province of the Central Black Earth Russia in the Late XIX – Early XX Centuries // Scientific Notes. 2017. No. 1 (41). P. 36–42. (In Russian).
7. Chkhikvadze V. M. Sotsializm i narodovlastie: reference guide. Moscow : Politizdat, 1965. 25 p. (In Russian).
8. Kulachkov V. V., Muzychuk T. L. Criminological Aspects of Legal Consciousness of Peasants in the Western Region of Russia at the Turn of the 19th – 20th Centuries // Russian Journal of Criminology. 2017. No. 3. P. 615–622. (In Russian).
9. Shevchenko M. M. Istoriia krepostnogo prava v Rossii. Voronezh : Publishing House Voronezh State University, 1981. P. 99–102. (In Russian).
10. Sobornoe ulozhenie 1649 goda: text, commentary. Leningrad : Nauka, 1987. 230 p. (In Russian).
11. Lepsheev A. A. Politika pravitelstva Anny Ioanovny v otnoshenii beglykh krestian i dvoriane //

12. Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2. Балансирование имперской ситуации: XVIII – XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань : Ab Imperio, 2017. 630 с.
13. Безгин В. Б. Кражи в российском селе второй половины XIX – начала XX века // Юрид. исслед. 2013. № 6. С. 285–319.
14. Гуров А. И. Красная мафия. М. : Коммерч. вестн, 1995. 73 с.
15. Подройкина И. А. Система уголовных наказаний в истории России и в современном зарубежном законодательстве : моногр. М., 2018. 246 с.
16. Симонова М. В. Степан Тимофеевич Разин – государственный преступник или народный герой // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2015. № 401. С. 160–165.
17. Петров А. В. Девятков В. Ю. Полиция и общество в Российской Империи начала XX века // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Право. 2011. № 40 (257). С. 21–24.
12. St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences. 2011. No. 118. P. 188–192. (In Russian).
12. Novaia imperskaia istoriia Severnoi Evrazii. Pt. 2. Balansirovanie imperskoi situatsii: XVIII – XX vv. / Ed. I. Gerasimov. Kazan : Ab Imperio, 2017. 630 p. (In Russian).
13. Bezgin V. B. Theft in Russian Villages in Second Half of XIX and Early XX Centuries // Legal Studies. 2013. No. 6. P. 285–319. (In Russian).
14. Gurov A. I. Krasnaia mafiia. Moscow : Kommerch. vestn., 1995. 73 p. (In Russian).
15. Podroikina I. A. Sistema ugovolnykh nakazanii v istorii Rossii i v sovremennom zarubezhnom zakonodatelstve : Monograph. Moscow, 2018. 246 p. (In Russian).
16. Simonova M. V. Stepan Timofeevich Razin: A State Criminal or a National Hero? // Tomsk State University Journal. 2015. No. 401. P. 160–165. (In Russian).
17. Petrov A. V., Devyatko V. Yu. Politsiia i obshchestvo v Rossiiskoi Imperii nachala XX veka // Bulletin of the South Ural State University Series “Law”. 2011. No. 40 (257). P. 21–24. (In Russian).

Информация об авторе

К. А. Зарубина – аспирант, преподаватель.

Information about the author

K. A. Zarubina – Postgraduate, Lecturer.